

УДК 321.022

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА: АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ОНЛАЙН- И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Арутюнов Антон Георгиевич

- e-mail: anton.arutynov.98@mail.ru;
аспирант кафедры российской политики факультета политологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Арутюнов А. Г. Цифровая трансформация российского регионально-го электорального процесса: аспекты внедрения и эксплуатации онлайн- и цифровых технологий // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 24.02.2025
- Статья размещена на сайте 23.06.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Среды функционирования цифровых политических технологий, кейс политической агитации](#)

[Цифровые политические технологии в региональном политическом процессе](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Комплексно рассмотреть соотношение онлайн- и офлайн-режимов в сфере трансформации регионального электорального процесса, а также специфику внедрения цифровых технологий в современной российской избирательной сфере на уровне регионов Российской Федерации.

Процедура и методы. Исследование опирается на всеобщие и общенаучные принципы и методы исследования. В работе используются частнонаучные (политологические) методы – неоинституциональный, сравнительно-политический и др., а также специальные, конкретно социологические методы, в частности фокус-группа и экспертные глубинные интервью. Фокус-группа была реализована в городе федерального значения – Москве, а экспертные интервью были проведены во Владимире, Александрове, Муроме, Коломне, Сергиевом Посаде, Твери, Туле, Санкт-Петербурге, Сосновом Бору (Ленинградская область), Пскове, Тюмени, Тобольске, Ишиме, Ханты-Мансийске, Сургуте, Уфе и Саратове – т. е. суммарно в 12 регионах и 17 городах, в итоге в исследовании было проинтервьюировано 36 экспертов.

Результаты. Проанализированы элементы процесса цифровой политической трансформации в онлайн- и офлайн-средах. Показано и аргументировано влияние цифровых технологий на региональный политический процесс. Выделена и описана специфика внедрения цифровых политических технологий (на примере ДЭГ) в региональный политический процесс.

Теоретическая и практическая значимость. Основные положения работы имеют теоретико-практическое значение для дальнейшего комплексного исследования специфики влияния цифровых технологий на региональный политический процесс в современной России. Работа может быть полезна политконсультантам и политтехнологам, поскольку содержит анализ конкретных особенностей функционирования цифровых политических технологий, особенно на уровне регионов Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цифровизация, региональные выборы, регионы РФ, Российская Федерация, онлайн-процессы, аналоговые процессы

ВВЕДЕНИЕ

Процесс цифровой трансформации регионального политического процесса достаточно неоднозначный и многоаспектный. Последний не только реализуется в цифровой среде, в сфере онлайн-взаимодействия, но и затрагивает реальную жизнь, аналоговые формы коммуникаций и офлайн-взаимодействия участников. Существует значимый пласт научных исследований, которые либо разрабатывают комплекс изменений и новшеств сугубо в онлайн- и цифровой сферах, либо же, наоборот, рассматривают исключительно влияние на офлайн-среду цифровых процессов, данное же исследование призвано объединить эти два подхода.

На современном этапе можно указать сразу несколько ведущих исследователей цифровизации электорального пространства, к примеру Н. А. Баранова, [1], О. Е. Гришина [11], О. В. Попову [7], В. И. Фёдорова [9]. Стоит обратить внимание, что большинство их работ так или иначе затрагивают вопрос дистанционного электронного голосования и его применения как технологии, а также рассматривают его функционирование с позиций электората, просто граждан, государства, политических партий и других политических акторов. Существуют также исследования внедрения ДЭГ на примере одного региона его реализации [2, с. 27], которые будут иметь особую ценность для нас как конкретные примеры кейс-стади.

Существует несколько подходов к анализу цифровых технологий. Так, некоторые исследователи предлагают использовать цифровое моделирование [4, с. 84] или же правоведческие методы [5, с. 21]. Ряд авторов эффективно реализуют исследования с применением коммуникативных моделей [8, с. 6], что роднит этот подход с классическими методами коммуникативистики.

Для реализации цели исследования было проведено качественное социологическое исследование в виде серии глубинных фокусированных экспертных интервью. В Москве была дополнительно реализована фокус-группа, в других регионах были реализованы одиночные интервью экспертов. Всего исследование было осуществлено в 12 регионах Российской Федерации. В Центральном федеральном округе в Владимирской (города Владимир, Александров, Муром), Московской (города Коломна и Сергиев Посад), Тверской, Тульской областях; в Северо-Западном федеральном округе в городе федерального

значения – Санкт-Петербурге, Ленинградской (город Сосновой Бор) и Псковской областях; в Уральском федеральном округе в Тюменской области (города Тюмень, Тобольск, Ишим) и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (города Ханты-Мансийск и Сургут); в Приволжском федеральном округе в Республике Башкортостан и Саратовской области. Таким образом, удалось добиться пространственно-географической репрезентативности и относительной математической репрезентативности, т. к. 12 регионов составляют восьмую часть регионов Российской Федерации. Отбор экспертов осуществлялся по признаку владения экспертом необходимыми компетенциями, т. е. в нём приняли участие в качестве экспертов политологи, практикующие политики, члены РИК, а также политконсультанты и политтехнологи. Далее представлены выводы, полученные в результате анализа мнений экспертов исследования.

СРЕДЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ, КЕЙС ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Процесс цифровизации политики действует сразу в нескольких средах. Их можно обозначить как онлайн- и офлайн-среду, а также как цифровую и аналоговую, последнюю иногда также называют «реальной», однако нельзя утверждать, что цифровые политические процессы не столь реалистичны, как аналоговые на современном этапе. Отметим, что первая и вторая пары сред могут пересекаться между собой как совпадающие круги Эйлера, однако чаще всего не накладываются друг на друга полностью. Независимыми и изолированными от среды интернета также могут быть, например, внутренние сервисы коммуникации избирательных комиссий высшего уровня в рамках особых механизмов правительственной связи и передачи данных по закрытой локальной сети.

Цифровая среда характеризуется тем, что процессы в ней протекают в компьютеризированной среде, а также посредством работы программных алгоритмов и кодов (программ), написанных средствами компьютерного программирования. Аналоговая среда возникает и функционирует там, где действия происходят без использования цифровых технологий, а также без привлечения других интеркоммуникативных инструментов в какой-либо форме.

В теоретико-практическом плане важным для рассмотрения феноменом на данном этапе является политическая агитация, которая институционально во многом уже подверглась процессам цифровой трансформации. На региональном уровне в Российской Федерации начиная с середины десятых годов XXI в. нельзя привести пример ни одной избирательной кампании регионального уровня (выбора главы региона или регионального парламента), где не были бы задействованы цифровые механизмы. Прежде всего это использование социальных сетей и мессенджеров, которые можно обозначить как наиболее влиятельный фактор трансформации. Однако есть и менее заметные избирателю, но не менее важные с технологической стороны решения и целые пакеты решений. В качестве яркого иллюстрирующего примера можно привести использование графических редакторов, без которых создание современных АПМ (агитационно-пропагандистских материалов) является уже почти невозможным, то же будет справедливо и в отношении создания любых печатных документов в текстовых редакторах, тех же компьютерных программах.

Отметим, что это будет справедливым и для видеоредакторов. Кроме того, эти факторы цифровой трансформации политической агитации могут быть и далее специализированы (почему это и может быть обозначено как пакетное решение), так как вслед за текстовыми редакторами возникает вопрос использования шрифтов и собственно цифровых шрифтов. Если смотреть на процесс агитации ещё и в разрезе штабной работы, стоит указать на двоякость использования мессенджеров и чатов в социальных сетях, поскольку они служат не только каналами распространения информации, но и как средства общения и связи членов команды в процессе создания АПМ.

Если рассмотреть АПМ, размещаемые в рамках контекстной рекламы на сайтах или как собственно сайты и порталы кандидатов, можно констатировать, что к списку цифровых технологий добавляются программы по написанию кода и созданию архитектуры сайта, серверные мощности, технологии облачного хранения данных и прочие технические механизмы. Это вызывает необходимость привлечения дополнительных технологий, таких как таргетированная реклама, рекламных алгоритмов по выбору показа контента для отдельных пользователей и их групп, а также конкретных способов демонстрации рекламного контента (банерная реклама, всплывающие

окна, принудительный показ рекламы перед демонстрацией видео или другого изначально интересующего пользователя контента).

ЦИФРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Весьма значимым феноменом, который затрагивает сразу и сферу офлайн, и сферу онлайн, является информирование о выборах, которое преимущественно осуществляется в обеих сферах избирательными комиссиями различного уровня. Здесь такую же роль, как и в случае с агитационными материалами, будут играть социальные сети и мессенджеры, графические и текстовые редакторы (программы для создания текстового и визуального контента), технические средства по организации контента и проч. По уровню подготовки контента, разнообразию способов его презентации и способов его рекламирования информирование не уступает политической рекламе, хотя оно и имеет ряд существенных отличий. Первым отличием будет то, что информирование ввиду нормативной закреплённости, а также разной адресности целей с агитацией сохраняет большую долю старых форм офлайн-агитации. К примеру, здесь будет сохраняться в качестве важной части работы печать в местных муниципальных газетах, размещение объявлений и данных на информационных стендах, являющихся официальными площадками ТИКов и РИКов, в редких случаях других избирательных комиссий. Отметим, что существует линейка программ, разработанных специально для органов государственной власти Российской Федерации, которые должны выполнять для них функции мессенджеров и программ для обеспечения видеосвязи. Избирательные комиссии как часть органов государственной власти также подключаются к этим технологиям. Это создано специально для обеспечения безопасности и защиты данных как государства, так и сотрудников, и работников избирательных комиссий.

При этом всё же офлайн-составляющая продолжает играть существенную роль как в процессе политической агитации, так и в процессе информирования о выборах. Наибольшую эффективность здесь демонстрирует не направление распространения печатной текстовой продукции, а ориентированность на создание визуализирующих АПМ. Среди подобных средств ис-

пользования АПМ первое место, по мнению экспертов, занимают билборды и реализация рекламных площадей, интегрированных в городское пространство (к примеру, на остановках). Если демонстрация материала носит событийный характер (митинг, встреча с избирателями и прочее) наиболее результативным способом указывается использование роллапов. Листовки, газеты и печатные места в СМИ, где предоставляется бесплатное положенное по закону место для информирования или агитации, проигрывают в эффективности вышеобозначенным методам.

Однако и здесь есть условные ограничения по вопросу создания аналогового контента. При его генерации на современном этапе возникает постоянная потребность использования и цифровых, и онлайн-технологий. Существенную роль играют графические редакторы, программы набора и обработки текста, без которых сейчас уже невозможно создать «аналоговый» визуальный продукт. В период после 2021 г. происходит новая качественная, но поэтапная трансформация в подходах к созданию подобных АПМ из-за выхода передовых систем искусственного интеллекта на новый уровень, позволивший создавать визуальный контент при минимуме вложений и за максимально короткие сроки. Однако первоначальные версии ИИ-работ оказались достаточно ненатуралистичными и мало привлекательными. Поэтому реальное внедрение ИИ-работ при создании АПМ на региональных выборах в Российской Федерации фактически было отложено до избирательных кампаний ЕДГ 2024 г.

При этом крайне дискуссионной является юридическая составляющая использования ИИ-контента, как в аналоговой, так и в цифровой агитации, поскольку в агитационных материалах не может быть использован неоригинальный с позиции авторских прав продукт.

Сгенерированный ИИ-продукт, даже полученный при использовании открытых источников и при условии открытости использования конечного продукта со стороны правообладателя программы генератора визуального контента, всё равно остаётся не до конца нормативно урегулированным. К примеру, неясным является вопрос заимствования целых или части целого изображения, принадлежащего кому-либо или какой-либо организации, искусственным интеллектом для создания условно его авторской работы. В рамках текущего законодательства и рекомендаций избирательных комиссий разного

уровня любые заимствования и нарушения авторских прав недопустимы и влекут при их реализации нормативные санкции.

Допустимы лишь случаи использования авторского (собственного) контента и продуктов, регламентированных открытой лицензией (которую в случае востребования избирательной комиссией кандидату необходимо предоставить), а также случаи задокументированной передачи авторских прав кандидату. Контент искусственного интеллекта пока находится в серой зоне, и кроме своей непонятной авторской принадлежности ещё может содержать нерегламентированные вставки чужих авторских произведений или оригинальных концептов.

Явная синкретичность также прослеживается и в банковских вопросах обслуживания и открытия избирательного счёта кандидата. С одной стороны, есть нормативное требование, которое фактически регламентирует открытие избирательного счёта лишь в онлайн-формате. С другой стороны, в подавляющем большинстве регионов Российской Федерации, не исключая городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, а также Московской области, онлайн-открытие и ведение счетов оказывается трудной задачей для кандидатов, их штабов и финансовых уполномоченных. Фактически это невозможно сделать полностью онлайн, даже при таковом намерении оказывается необходимым нанести очный визит в банк для работы со специалистом. К примеру, в рамках ЕДГ 2024 г. банк, разрешённый для ведения избирательного счёта на территории Подмосковья, допускал технические ошибки в рамках работы специализированного онлайн-приложения. Поручения, выписки и справки во многом приходилось создавать на бумажных носителях.

Актуальным является и вопрос использования электронной подписи, в большинстве случаев сегодняшней практики превалирует обычное подписывание документов на бумажном носителе. С 2023 г. появилась сама возможность использования электронной подписи кандидатом, в частности, на региональном уровне избирательных кампаний. Тем не менее её использование на практике также сопряжено с некоторыми трудностями. Для оформления и работы с электронной подписью на выборах необходимо получить особую защищённую подтверждённую подпись, которая оформляется обычно более сложно и поэтапно, чем аналогичные электронные подписи, предоставляемые различными сервисами для коммерческих

целей. В некоторых случаях для её оформления кандидатам из регионов было необходимо совершить очный визит в Москву для проработки вопроса с Минцифры РФ. При этом использование цифровой подписи до сих пор (начало 2025 г.) невозможно при сборе подписей граждан для выдвижения, а также при сборе подписей муниципальных депутатов при преодолении муниципального фильтра на региональных выборах.

Актуальным в контексте сравнения цифрового и аналогового влияния является процесс внедрения и эксплуатации электронного голосования, которое, в свою очередь, делится на два почти независимых процесса. Электронное голосование с помощью КОИБ (средств цифровой обработки поданных бумажных бюллетеней) и электронное голосование с помощью стационарных пунктов для голосования (фактически при помощи онлайн-доступа к системе ДЭГ) представляют два существенно отличающихся друг от друга явления, которые по-разному воздействуют на политическую онлайн- и офлайн-среду.

Использование КОИБ для избирателя остаётся преимущественно незаметным, ощутимое же влияние оказывается на членов УИК и ТИК, которым не нужно отвозить большие объёмы данных об итогах голосования в бумажном формате, что существенно ускоряет работу избирательной системы. По мнению большинства экспертов (даже представителей оппозиционных политических партий), КОИБы воспринимаются положительно, поскольку они в большинстве случаев обеспечивают объективный и оперативный подсчёт голосов, а также потому, что они не нуждаются в дополнительных механизмах легитимации со стороны населения.

Наконец, результаты подобного голосования с привлечением электронных систем подсчёта могут впоследствии быть верифицированы и пересчитаны вручную, что служит существенным преимуществом, например, перед системами ДЭГ. Хотя в десятых годах оппозиционные политические партии иногда выступали против КОИБов, сейчас это объективно не так, что свидетельствует о переломе восприятия данной технологии в глазах всей общественности. При этом использование стационарных пунктов и терминалов для голосования с помощью ДЭГ главным образом реализуется в Москве и имеет серьёзное влияние на фактическое поведение избирателя и работу избирательных комиссий. Так, в рамках нового положения избиратель лишён пассивной возможности воспользоваться бу-

мажным бюллетенем, и для этого ему необходимо проявлять проактивную заявительную позицию. Впрочем, достаточно широкие слои избирателей даже не заметили этих изменений в первый год реализации этого проекта в 2024 г. в Москве ввиду общего доверия к избирательной системе.

Отметим, что этот шаг вызвал существенную критику со стороны оппозиционных политических партий и стал сильным инфоповодом для средств массовой информации разной направленности. Сами по себе политические партии выступают как существенные акторы, формирующие представление о тех или иных политических цифровых технологиях [3, с. 158], и в частности электронного голосования. При этом возникает вопрос о непростом выборе правового оформления данного шага, поскольку на современном этапе переход к использованию стационарных пунктов ДЭГ и к заявительному характеру использования бумажных бюллетеней пока регламентируется лишь постановлением Московской городской избирательной комиссии, что выглядит недостаточным, по мнению большинства экспертов, и требует перехода на уровень регионального законодательства.

Исследовательский интерес представляет феномен дистанционного электронного голосования (ДЭГ), поскольку он вторгается в сферу многих значимых общественно-политических процессов и кардинально их меняет. ДЭГ стал существенным фактором трансформации политических процессов [10, с. 22] в региональной политической сфере, а также и на федеральном уровне. С одной стороны, ДЭГ объективно нуждается в технологиях легитимации, а с другой стороны, стал неотъемлемой частью политической реальности. С каждым годом им пользуется всё большее количество граждан во всё новых регионах. По оценкам экспертов, существует объективная техническая база для его введения во всех регионах Российской Федерации. В то же время в силу объективных вопросов безопасности, а также с учётом сложной политико-социальной ситуации в разных регионах процесс внедрения происходит не одномоментно. Основной проблемой «офлайн-части» процесса ДЭГ является отсутствие механизмов контроля над потенциальным давлением на избирателя при его использовании, причём сложность заключается в многоплановости площадок для реализации потенциального контроля: дом, работа, больница, места отдыха, т. е. везде, где может оказаться избиратель.

Эта проблема важна, поскольку возможность оказывания давления на использующего ДЭГ является одной из основных трудностей и опасностей в правоприменительной практике. Адекватных способов её решения не выработано до сих пор ни в одной стране мира, реализующей ДЭГ. В качестве некоторого решения предлагаются видеофиксирующие системы, аналогичные системам прокторинга для контроля студентов во время онлайн-экзаменов. Однако наиболее эффективно на современном этапе могут быть реализованы лишь правоохранительные меры, заключающиеся в налаживании и облегчении обращений граждан по фактам подобных правонарушений в контролирующие и судебные инстанции и улучшение нормативной базы.

В то же время ДЭГ осуществляет гигантский положительный вклад во внедрение элементов цифрового пространства в реальное. Онлайн-участок для голосования оказывается буквально в смартфоне избирателя, и его мобильность, по крайней мере на всей территории Российской Федерации, становится практически не ограниченной. Физически в рамках «офлайн»-процесса широкое внедрение системы ДЭГ также повлечёт сокращение УИК и, соответственно, членов УИК. В перспективе это может повлиять даже на сокращение ТИК и их членов. Данное потенциальное нововведение может быть обосновано как экономическими мотивами (экономия на обеспечении деятельности работы комиссии), так и пространственными соображениями, заключающимися в оптимизации сети УИК до точек их наибольшей востребованности. При этом штат и персонал ТИК ДЭГ, несмотря на технологический прогресс, а также на улучшение программного обеспечения и алгоритмического сопровождения, скорее всего, будет увеличиваться по мере включения новых регионов и совершенствования механизмов наблюдения за ДЭГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, цифровые технологии на выборах оказывают влияние как в цифровой, так и в аналоговой средах, а также и в онлайн- и офлайн-средах одновременно, но по-разному. ДЭГ, интернет-СМИ, социальные сети и мессенджеры, системы электронного голосования и подсчёта голосов действуют сразу в нескольких средах, влияя на политический процесс, кото-

рый также разворачивается непосредственно во всех картинах мира и средах одновременно. Данное исследование коррелирует с некоторыми предшествующими исследованиями [6, с. 238], что доказывает многофакторность среды использования политических цифровых технологий. Однако принципиальной новизной этого исследования являются непосредственная конкретизация этих сред и анализ взаимодействия отдельных политических технологий с избирателем в реальном и виртуальном пространствах. Статья будет полезна политическим практикам, а именно политконсультантам и политтехнологам, поскольку в исследовании заложены очерчивание границ и конкретизация полей их работы на региональном уровне, что также обусловит облегчение понимания специфики их работы у заказчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Н. А. Электоральные новации в Российской Федерации в контексте дистанционного электронного голосования // Социально-политические исследования. 2024. №3. С. 17–30.
2. Давыдов С. В. Дистанционное электронное голосование. Опыт Нижегородской области // Вестник Нижегородского института управления. 2024. №2. С. 27–32.
3. Ежов Д. А. Трансформация института политических партий в России в условиях цифровизации и виртуализации // Социально-гуманитарные знания. 2024. №10. С. 156–159.
4. Кирюшин И. А. Модель электорального поведения российских граждан в условиях цифровизации избирательного процесса // Коммуникология. 2024. Т. 12. №2. С. 84–96.
5. Курочкин Р. А. Цифровизация избирательного процесса: правовые проблемы, вызовы и перспективы развития // На пути к гражданскому обществу. 2024. №2. С. 21–24.
6. Падалко А. А. Процесс цифровизации избирательного процесса. Реализация за последние годы // Вестник науки. 2023. Т. 4. №9. С. 238–241.
7. Попова О. В. Фактор влияния социальной сети «ВКонтакте» на формирование территориальной идентичности жителей Московской агломерации // Наука телевидения. 2024. Т. 20. №3. С. 217–243.
8. Соколов А. В., Гребенко Е. Д. Создание и развитие цифровых экосистем в России как способа коммуникации власти и граждан // PolitBook. 2024. №2. С. 6–23.

9. Федоров В. И. Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. №3. С. 349–358.
10. Филимонова А. И. Дистанционное электронное голосование: некоторые проблемы и пути разрешения // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №10. С. 22–25.
11. Grishin N. V. Theories of institutional borrowings and the study of innovations in state electoral policy // Modern Science and Innovations. 2024. No. 3. P. 134–144.

ARTICLE INFORMATION

Author

Anton G. Arutyunov

- e-mail: anton.arutynov.98@mail.ru,
Postgraduate student, Department of Russian Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Arutyunov A. G. Digital Transformation of the Russian Regional Electoral Process: Aspects of the Introduction and the Operation of Online and Digital Technologies. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To comprehensively consider both the relationship between online and offline modes in the field of transformation of the regional electoral process and the specifics of the introduction of digital technologies in the modern Russian electoral sphere at the regional level of the Russian Federation.

Methodology. The research is based on universal and general scientific principles and research methods. The work uses private scientific (political science) methods such as neoinstitutional, comparative political, etc., and unique specifically sociological methods, in particular an expert focus group and expert in-depth interviews. The focus group was set up in Moscow, the federal city. Expert interviews were held in Vladimir, Alexandrov, Murom, Kolomna, Sergiev Posad, Tver, Tula, St. Petersburg, Sosnovy Bor (Leningrad Region), Pskov, Tyumen, Tobolsk, Ishim, Khanty-Mansiysk, Surgut, Ufa and Saratov. In total, 36 experts were interviewed in 12 regions, 17 cities and towns.

Results. The elements of the digital political transformation process in online and offline environments have been analyzed. The influence of digital technologies on the regional political process has been shown and argued. The specifics of the introduction of digital political technologies (by the example of REV) into the regional political process are highlighted and described.

Research implications. The main provisions of the work have theoretical and practical significance for further comprehensive research devoted to the specifics which the impact of digital technologies cause on the regional political process in modern Russia. The work may be useful for political consultants and political strategists since it contains an analysis of the specific features that belong to functioning of digital political technologies, especially at the regional level of the Russian Federation.

Keywords

digitalization, regional elections, regions of the Russian Federation, Russian Federation, online processes, analog processes

References

1. Baranov, N. A. (2024). Electoral Innovations in the Russian Federation in the Context of Distant Electronic Voting. In: *Social and Political Researches*, 3, 17–30 (in Russ.).
2. Davydov, S. V. (2024). Remote Electronic Voting. Experience of the Nizhny Novgorod Region. In: *Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management*, 2, 27–32 (in Russ.).
3. Ezhov, D. A. (2024). Transformation of the Institute of Political Parties in Russia in the Context of Digitalization and Virtualization. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 10, 156–159 (in Russ.).
4. Kiryushin, I. A. (2024). Model of Electoral Behavior of Russian Citizens in the Context of Digitalization of the Electoral Process. In: *Communicology*, 12 (2), 84–96 (in Russ.).
5. Kurochkin, R. A. (2024). Digitalization of the Electoral Process: Legal Problems, Challenges, and Development Prospects. In: *Towards a Civil Society*, 2, 21–24 (in Russ.).
6. Padalko, A. A. (2023). The Process of Digitalization of the Electoral Process. Implementation Taking Place in Recent Years. In: *Science Bulletin*, 4 (9), 238–241 (in Russ.).
7. Popova, O. V. (2024). The Influence Factor of the Social Network "Vkontakte" on the Formation of Territorial Identity of Residents of the Moscow Agglomeration. In: *The Art and Science of Television*, 20 (3), 217–243 (in Russ.).
8. Sokolov, A. V. & Grebenko, E. D. (2024). Creation and Development of Digital Ecosystems in Russia as a Way of Communication between Authorities and Citizens. In: *PolitBook*, 2, 6–23 (in Russ.).
9. Fedorov, V. I. (2024). The I-Voting Influence on the Voter Turnout of the Russian Society during Federal and Regional Elections. In: *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 9 (3), 349–358 (in Russ.).

10. Filimonova, A. I. (2023). Remote Electronic Voting: Certain Problems and Solutions. In: *State Power and Local Self-government*, 10, 22–25 (in Russ.).
11. Grishin, N. V. (2024). Theories of Institutional Borrowings and the Study of Innovations in State Electoral Policy. In: *Modern Science and Innovations*, 3, 134–144.